

Источниками исследования послужили статьи, письма, репортажи, иллюстрации, опубликованные в журнале «Работница» в 1930–1935 гг., издаваемом ЦК ВКП(б). Данный журнал был избран потому, что имел адресную гендерную аудиторию, солидный (около 350 тыс. экземпляров) тираж и частый выпуск (три раза в месяц).

Ключевые слова: советская гендерная культура, советская женщина, 1930-е годы, пропаганда, журнал «Работница», социальная политика, властный дискурс, женщина-работница, женщина-мать, культура и личность.

Для цитирования: Болотова Е.В. О почетной гражданке и счастливой матери: эволюция образа «советской женщины» в 1930-е годы // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 3. С. 300–309. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-3-300-309.

Активное «перетягивание» женщины из домашнего пространства в производственную сферу привело к последствиям, которые едва ли приходили в голову инициаторам и организаторам этого процесса. Подробнее об этом мною написано в статье «Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала “Работница”» [1]. Целый ряд наблюдений над содержанием пропагандистского дискурса о женщине позволяет предположить, что в советской России была замечена катастрофическая убыль населения [2]. По-прежнему острой проблемой оставалась беспризорность, увеличивалось число аборт, количество новорожденных детей снижалось, младенческая смертность росла [3]. Можно трактовать это как активное вовлечение женщин в производство, при котором у них просто не оставалось времени на рождение и воспитание детей. Однако более убедительной кажется версия о результатах кампании по коллективизации и последующего голода 1930-х годов [2].

Решить возникшую демографическую проблему государство стремилось через повышение рождаемости. Но для женщин в слож-

ных жизненных условиях, когда не хватало средств, продовольствия и квадратных метров на уже имеющихся членов семьи, заводить еще одного ребенка было непозволительной роскошью [3]. Работницы, освободившиеся от «тьмы и деспотизма» и окунувшиеся в тяжелую трудовую деятельность с низкой заработной платой, вовсе не стремились обременять себя еще и детьми. Популярность метода искусственного прерывания беременности набирала обороты, аборт становился нормой. Для того чтобы переломить эту тенденцию, государством были предприняты радикальные меры: с 1930 г. проведение аборта становится платной операцией и его цена с течением времени растет. Поскольку эта сумма устанавливалась вне зависимости от доходов пациентки и была более чем существенной, предполагалось, что частота аборт сократится. Если в 1931 г. оплата данной операции составляла 18–20 руб., то уже в 1933 г. – 20–60 руб., а в 1935 г. – от 25 до 300 руб. (хотя исследователи отмечают, что такая цена была исключительным верхним пределом, поскольку с 1934 г. оплата операции зависела от уровня обеспеченности женщины). В среднем же эта сумма была эквивалентна одной четверти дохода семьи [3].

Тем не менее даже «наказание рублем» не останавливало женщин от данной процедуры в попытках ограничить число «ртов» в семье. Тогда политика в этой области стала откровенно репрессивной: в 1936 г. в силу вступает Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов...» [4]. Исключением являлись только случаи, угрожающие жизни и здоровью женщины. Благодаря суровому закону власть стремилась восполнить численность населения в короткие сроки. Согласно этому постановлению женщина и врач, проводивший операцию без особого медицинского разрешения, подвергались не только общественному порицанию, но также внушительному штрафу для женщины (если она «попалась» во второй раз) и аресту до двух лет для врача. И формально эта мера имела успех – действительно количество абортов или их последствий, зафиксированных документально, резко сократилось. Но в реальности такой бескомпромиссный запрет лишь спровоци-

Рис. 1. Фото с обложки журнала «Работница» за 1936 год. № 9.
Студентка Михайлова со своим сыном Андрюшей

ровал рост подпольных абортов, проведенных в не соответствующих санитарных условиях, часто людьми, не имеющими к медицине никакого отношения (речь идет о народных методах вытравления плода). Таким образом, на практике подобный запрет привел к высокой смертности среди женщин, стремящихся любым способом избавиться от нежелательной беременности.

Причина востребованности абортов заключалась в том, что в 1930-е гг. в Советском Союзе средства контрацепции практически отсутствовали, а грамотность населения в репродуктивных вопросах была невысока. Аборт был для большинства женщин единственно доступным способом контролировать частоту деторождения. Лишая женщину права на аборт, ее лишали права выбора и усугубляли и без того непростые жизненные условия. Задачей пропаганды было объяснить возмущенной женщине, что запрет абортов и навязываемая многодетность вовсе не направлены против нее, а наоборот, помогают ей реализовать себя. Даже в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрете абортов четко прослеживается «благий» мотив данного ограничения. Подобное решение приписывается иници-

ативе самих граждан — «в этом правительстве идет навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин» [4].

Для реализации обновленного и дополненного проекта «советской женщины» агитационная литература 1930-х гг. вносит изменения в транслируемый до этого образ советской гражданки. Эталонном становится не просто работница, а работающая мать. Именно с этого периода в журнальных статьях появился образ «счастливого советского материнства» и обязательным атрибутом благополучной женщины стал ее примерный ребенок. Начали все чаще мелькать заголовки «За здорового ребенка, за культурную семью» [5, с. 8], «Радость материнства» [6], «Наши дети. Конкурс на лучшее воспитание детей» [7], «Я против аборта» [8], «Вырастила и воспитала восемь ударников» [9], «Воспитаваю трех дочерей в культурной обстановке» [10]. Эта же тема материнства отчетливо прослеживалась в публикуемых в журнале стихах и прозе: тематика пропагандистских текстов изменялась: истории о победоносном освобождении от «домашнего рабства» уступали место рассказам о героическом материнстве. Например, рассказ Н. Никановича «Мать», воспевающий отважную женщину, пожертвовавшую жизнью ради убеждений сына; или рассказ Дмитрия Касимова «Как родился сын», повествующий о девушке, решившейся на первого ребенка.

В текстовых посланиях редакторы журнала «Работница» вдохновенно рассказывали о преимуществах материнства в новом советском государстве и о том, какие условия для материнства создала советская власть. Сочинялись «лозунги близкие сердцу матери: Здоровая женщина — должна быть матерью» [11]. На обложках журнала все чаще вместо портретов вождей и ударниц публиковали фотографии здоровых, толстощеких и счастливых советских детей. Изображения матери и ребенка быстро приобрели типизированный характер, являя собой новую советскую «Мадонну с младенцем», где оба героя упитаны, бодры и жизнерадостны. Композиция кадра представляет собой женщину, которая довольно смотрит на свое чадо, и ребенка, чье лицо направлено прямо в камеру. Благодаря такой акцентуации ребенок воспринимается

как центр фотографии, а далее уже — и советской действительности (см. рис. 1, 2).

Для того чтобы не быть голословными, обратимся к цифрам. За 1934 г. журнал «Работница» опубликовал 16 статей, посвященных теме материнства. В 1935 г. это число возросло до 66-ти. В некоторых номерах 1935 г. половина опубликованного материала была посвящена проблемам матери и ребенка (наиболее яркий пример — 17-й номер «Работницы» за 1935 г.). В предыдущие годы эта тема была лишь сопутствующей и не выходила на передний план. Таким образом, мы можем говорить о явном акцентировании темы материнства со стороны редакции.

Проведем аспектный анализ данного массива пропагандистских статей, выделяя сквозные, магистральные направления официального дискурса. В целом эти статьи, написанные в популярной и общедоступной форме, помогают женщине принять идеологически верное решение — родить ребенка. А главные содержательные аспекты потока агитационных материалов четко соответствуют пунктам из заголовка уже упомянутого сурового Постановления от 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [4]. К этому списку можно добавить опубликованные в «Работнице» репортажи о развитии социальной индустрии (детские столовые, комнаты матери и ребенка) и детской промышленности; совершенствовании медицины, а также статьи, посвященные героизации образа материнства и матери-одиночки; различные заметки о несчастных бездетных женщинах; конкурсах на лучшее воспитание детей или еще более конкретно — о конкурсах на лучшего ребенка.

Внедрение модели «советского материнства» в индустриальной России осуществлялось с нескольких подходов. Его реализовывал целый ряд людей, обладающих определенным авторитетом: врачи, педагоги, писатели, политические деятели и простые женщины — передовые работницы и читательницы журнала.

Рис. 2. Иллюстрация из журнала «Работница» за 1935 год. № 26. Фотоэтиюд «Ребенок»

Начнем с наиболее распространенных и важных для социальной политики публикаций, нацеленных на искоренение абортов. В журнале они преподносятся как «разоблачающие» зло абортов. Авторами таких материалов чаще всего выступали: 1. Медицинские работники, которые, опираясь на условные научные факты, раскрывали всю правду о вреде прерывания беременности и важности деторождения, апеллируя к разуму читательниц. 2. Представители власти, которые с помощью лозунгов «Я против аборта» взывали к моральному чувству и стремились внушить растерянной женщине, что рождение детей — это не просто ее личное дело, а гражданский долг, и уклонение от выполнения естественной функции деторождения негативно сказывается на советском обществе. 3. Работницы, имеющие печальный опыт аборта, чьи истории были нацелены на эмоциональный отклик читательниц журнала. В данном случае рассказы наполнялись ужасающими подробностями операции и призывами не губить свою жизнь.

Поскольку главным атрибутом советской женщины (и ее отличием от женщины «отсталой») являлась работа на производстве, журнал «Работница» внушал, что трудящаяся женщи-

на и аборт — понятия несовместимые. Советская женщина — это женщина здоровая, готовая трудиться в полную силу и сверх силы. А аборт прежде всего губит ее здоровье и снижает работоспособность.

В статьях журнала ударницы производства, которые раньше говорили о своем «выходе из тьмы и невежества», стали делиться откровениями о вреде абортов на собственном примере. «Я родила пятеро ребят и сделала пять абортов... Ребята появляются у меня через каждые 2 года. Как на моем здоровье отразились аборты и роды? После родов я выходила на работу здоровой и не имела бюллетеня в течении всего года. Когда же делала аборт, то дошла до того состояния, когда не могла ходить от слабости. Сейчас я уже больше не могу родить. Начались выкидыши. Я убеждаю наших работниц не делать абортов, так как на своем опыте испытала их вред» [8]. Прежде всего задача подобных статей состояла в том, чтобы создать устрашающий образ аборта и напугать женщин возможными проблемами со здоровьем и даже летальным исходом. «...Я сделала аборт, но после аборта 4 месяца истекала кровью. Два раза лежала в больнице и два месяца ходила на амбулаторное лечение. После аборта я стала инвалидом на всю жизнь» [12].

В дальнейшем эта установка подкреплялась преимуществами, которые могла обрести женщина, решившаяся родить. Положительные факторы заключались в том, что, выбрав путь материнства, работница не только не вредит своей трудовой деятельности, но, наоборот, обретет большую продуктивность. Вот что пишет в редакцию журнала одна из читательниц: «Я не советую делать женщинам абортов. Роды приносят женщине здоровье, бодрость, повышают энергию к работе. Дети дают счастье и родителям, и родне» [8]. И конечно, на контрасте утверждалась идея того, что каждый ребенок, которого женщина решила родить, является ее великим вкладом в развитие советского государства. «Я думаю, что мои дети принесут немало пользы своему отечеству во главе с нашим вождем товарищем Сталиным Иосифом Виссарионовичем» [8].

Теперь, когда женщина напугана абортами, самое время рассказать ей об усовершенствован-

нии родильных отделений и медицинской помощи. Счастливые молодые матери сообщают со страниц журнала: «Я родила в хате-родильне!» [13] и делятся своими впечатлениями об оказанной им акушерской помощи и легкости родов в новых условиях. Кроме того, журнал демонстрирует счастливые фотографии работниц из нового Дома отдыха для беременных. Заманчивые санаторные условия и образ приятной беременности, которая ждет будущих матерей.

Далее в дискурс вступает профессура и дирекция всевозможных центров и научно-исследовательских институтов охраны материнства и младенчества. В частности, в журнале № 17 за 1935 г. Ю.А. Менделеева (профессор, директор Ленинградского НИИ охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин) докладывала о невероятных для былого дореволюционного времени успехах советской науки и медицины [14]. Но даже в этой статье с сухими данными, опирающимися на научные исследования, прослеживается нацеленность на эмоциональный отклик — процесс излечения детей преподносится как чудо исцеления. В статье «Институт охраны матери и ребенка» подробно описывается советский опыт поддержания жизнеспособности недоношенных детей. В ней иллюстративно показано, что благодаря развитию отечественной медицины даже дети с весом меньше килограмма уже через год становятся полноценными членами своей семьи. А хирургия достигла такого уровня, что способна полностью излечить новорожденных с физическими недостатками. «Пятилетний Боря Рязанов родился изуродованным. Искривление бедер и голеней делали его неспособным для нормальной жизни. В клинике Боря прожил 8 месяцев. Его несколько раз оперировали, и он вернулся к матери с прямыми, крепкими ножками, подвижным, счастливым ребенком» [14, с. 6].

Показав работницам, что роды не представляют для женщины никакой опасности и любых новорожденных можно выходить, редакторы дают слово педагогам и соцработникам и переходят к описанию того, как в простых условиях каждая работница может грамотно воспитать своих детей. Этот блок статей максимально подробно описывает не-

затейливый быт молодой матери или ее повседневные заботы о ребенке. Этой же теме посвящены рубрики советов по воспитанию и репортажи-заметки об образцовых семьях. Вот один из таких примеров грамотного советского воспитания: «Работница крутильного отдела Васильева занимает половину узкой, с одним окном, и длинной, как коридор, комнаты, причем ее половина приходится не у окна, а у двери. Но и в этих условиях она сумела стать примером образцового воспитания ребенка. На своей половине она смогла выделить только полочку для игрушек своей девочки, поставила ей отдельную кроватку, которую содержит очень чисто» [5, с. 9]. Дело в том, что в 1930-е гг. годы с появлением политики социального материнства борьба за гигиену «вообще» плавно трансформировалась в гигиену детства. Поэтому неотъемлемым атрибутом примерной матери становилось элементарное соответствие санитарным нормам того домашнего помещения, где она воспитывает своего ребенка.

Далее следуют нечастые, но вселяющие надежду описания развития промышленной индустрии для детей и социального благоустройства. В данном случае статьи представлены в форме рассказов корреспондентов о жизни советских матерей. Согласно редакционной политике, материнство превращалось в приятную заботу о детях, поскольку все тяготы взяла на себя государственная система быта.

Помимо журнальных заметок о детсадах и яслях, ставших уже привычными с 1920-х гг., появился утопический образ детских столовых. В таких заведениях все ребята должны были получать сбалансированное питание, кушать вовремя, а проблема отсутствия аппетита у детей решалась сама собой благодаря вкусному и разнообразному меню. «Мама, уже первый час, идем скорее в столовую, — торопит свою мать пятилетняя Лида. <...> Екатерина Михайловна провожает детей до столовой и этим ее заботы о детском обеде заканчиваются. <...> Сыну М.И. Носовой Толе — четыре года. Он также признает обед только в детской столовой. <...> В столовой 800 детей и все с аппетитом кушают» [15].

Вторым новшеством, описанным в журнале, стала «Комната матери и ребенка», в кото-

рой в эталонном варианте была представлена правильная организация детского пространства. Согласно статьям, именно в комнате «Матери и ребенка» работники могли задать все интересующие их вопросы о воспитании и недолго отдохнуть, пока их малыш играет в детском уголке.

Таким образом, складывалось ощущение, что дети полностью находятся на попечении государства, и никаких сложностей с их воспитанием возникнуть не должно. Даже промышленность была обеспокоена качеством и ассортиментом детских товаров. «Введение новых моделей [детских костюмов] ведется под наблюдением специального ассортиментного бюро. За этот год им введено 29 новых моделей» [16]. И все чаще на страницах журнала появляются счастливые дети в какой-нибудь новой советской «детской модели [костюма], которая представляет собой сочетание свитера, рейтуз, шапочки и шарфа, расшитых цветами, зайчиками и аэропланчиками» [16].

Все это должно было убедить женщину, что для ее ребенка создаются максимально комфортные условия, способные облегчить ее быт. Неоднократно использовался звучный заголовок «Радостным стало материнство в нашей стране» [6].

Для тех матерей, которые боялись оказаться в сложном финансовом положении или уже столкнулись с проблемой обеспечения семьи, журнал «Работница» вел рубрики по юридической грамотности, в том числе о получении алиментов. Здесь на вопросы читательниц могли отвечать как сотрудники редакции, так и специалисты, представители вышестоящего руководства. Женщине доступно объясняли, как вести себя, если ее бросил муж, куда обратиться за помощью и как можно наказать аморального отца и супруга. Отдельные развороты журнала были посвящены своеобразной «доске объявлений» поиска мужей, сбжавших из семьи и не оказывающих им материальной поддержки. В них порицаются конкретные работники с указанием имен и фамилий, пренебрегших своими отцовскими обязанностями, и подробно описывается опыт женщин, которые уже отсудили алименты у своих безответственных мужей. Право на алименты читательницы отстаивают как само-

стоятельно, так и при помощи специально созданных организаций, становясь при этом героическим примером матери-одиночки. Это же почетное звание женщины могли получить, оставшись вдовами — в такой ситуации алименты взыскивать было не с кого, однако государство обещало помощь матерям в обеспечении их работой.

Завершается формирование советского материнства новыми необычными соревнованиями под названием «Конкурсы на лучшего ребенка», проводимыми редакцией журнала и различными детскими институциями. Благодаря им ударницы могли стать первыми не только на производстве, но и в сфере материнства. История про работницу Васильеву наглядно демонстрирует, как послушный ребенок делает примерной свою мать. «Приходя на выходной день, ребенок Васильевой не нарушает режима, к которому привык в детсаде. Она вовремя ест, спит, гуляет. “Примерная девочка”, — говорят о ней работницы. Детсад “Трехгорки” премировал Васильеву как примерную мать» [5, с. 9].

В чем же тогда в контексте фиксируемого изменения социальной политики (и в частности редакции журнала «Работница») заключалась сущность материнства? На основе журнальных публикаций ее можно интерпретировать так: прежде всего, *женщина несла ответственность за ребенка* — его здоровье, питание, гигиену, режим дня, выполнение им школьных заданий и посещение кружков. Журнал приводил все те же примеры чистоты и порядка, но теперь эти ритуалы осуществлялись ради детей. «Чистота — необходимое условие культурной жизни строго соблюдается Кобытовой. Каждый день она протирает пол, стирает пыль с цветов, перетряхивает салфетки» [17]. Но в конечном итоге основная задача советской матери заключалась в том, чтобы упорядочить жизнь ребенка и дисциплинировать его. Именно эти критерии стали определяющими в образе примерной матери, как уже было проиллюстрировано цитатой о работнице Васильевой и ее соблюдающей режим дня дочери. Отражение той же идеи мы можем найти и в формировании единой формы для детей, пребывающих в детсадах и санаториях: «Я радовалась, глядя на этих детей,

одетых в одинаковые голубые трусы и белые шляпы» [18].

Следствием правильного воспитания становился идеальный ребенок, органично дополняющий образ своей примерной матери. Идеологически воспитанные дети всегда жизнерадостны, бодры, гостеприимны.

Как мы видим, на втором этапе формирования идеального образа советской женщины материнство стало таким же обязательным пунктом, как общественная и производственная работа. «В нашей стране женщина-мать — это самый почетный человек... источник умножения богатств» [11].

Если в 1920-х гг. образцовая история становления советской женщины могла называться «Как я стала рабкоркой», то в 1935 г. эталоном становится история «О почетной гражданке и счастливой матери» [19]. Обратимся к аналогичной статье-биографии под заголовком «Научный работник, активная комсомолка и мать» [20]. Героиня этой статьи тов. Балакшина наглядно воплощает заданный образ работницы-матери-общественницы, демонстрируя неиссякаемую энергию в осуществлении социальной карьеры, которая теперь более многомерна. Объем выбранной мной цитаты, приведенной ниже в значительном сокращении, наглядно показывает, что жизнь советской женщины середины 1930-х гг. значительно обогатилась и уже не умещалась в скромное чередование работы и культурного отдыха с посещением политсобраний и театров. «Мне 24 года. Я комсомолка. Работаю все время в активной комсомольской работе: в бюро ячейки в секции научных работников, пропагандистом. Второй год работаю секретарем комсомольской организации научных работников... 1 мая 1935 года я окончила аспирантуру... Диссертацию я защитила 29 апреля... У меня есть дочка, ей сейчас полтора года. Дочка не мешает мне ни в комсомольской, ни в научной работе... ребенок только усилил мою энергию. Во время декретного отпуска занималась и 2 октября утром ставила опыт, а в 4 часа дня родила дочку... Я оставлена при университете сотрудником первого разряда... Моя заветная мечта — это дополнительно окончить медицинский институт и получить специальность хирурга. Многие удив-

ляются, как я успела полноценно работать и в науке, и в комсомоле. Это мне удастся, потому что я планирую свою работу. Я поставила себе за правило обязательно каждый выходной день отдыхать хотя бы полдня. Много занимаюсь спортом, хорошо катаюсь на лыжах и на коньках, участвую в состязаниях, хорошо стреляю из винтовки. Два раза в шестидневку по два часа занимаюсь физкультурой и волейболом. Много читаю художественной литературы, люблю музыку, бываю в театрах. Мне кажется, что плановость, чередование работы с отдыхом и дает мне возможность полноценно работать» [20].

После прочтения такой биографии складывается впечатление, что для настоящей советской женщины не существует непосильных задач, и выполнение «контракта социального материнства» вряд ли вызывает у нее особые затруднения. «Несмотря на то, что у меня была ежегодно беременность, я не бросала общественную работу», — гордо заявляли многодетные матери со страниц журнала «Работница» [8].

Как утверждала редакция, цитируя письма читательниц, «чем чаще сталкивалась я с трудностями, тем сильнее хотелось мне преодолеть их» [21]. Исходя из этого, реализация образа матери-общественницы должна была вызывать в кругах работниц особый энтузиазм. Как же это происходило на самом деле, мы можем только предполагать.

Навязывание образа «советского материнства» в чем-то аналогично кампании по внедрению «сознательного материнства» в отечественной культуре на рубеже XIX–XX веков [22]. Только «сознательное материнство» охватывало лишь аристократок, строилось на религиозных основаниях и было призвано приостановить женскую эмансипацию — а советская пропаганда работала гораздо изобретательней, обращаясь к каждой гражданке, так сказать, в трех различных регистрах — апеллируя к разуму (используя авторитет медицины), обращаясь к совести и нажимая на эмоции, запугивая и соблазняя.

Сформировавшийся во второй половине 1930-х гг. в советском дискурсе образ матери отчасти возвращал женщину к буржуазному прошлому, к ее традиционной роли и цен-

ностям. Вокруг нее вновь замелькали детские кроватки, игрушки и красочные аэропланчики на рубашках. Элементы домашнего комфорта и относительного достатка регулярно возникают в постоянной рубрике журнала «Как украсить жилище», которая описывала правильное ведение хозяйства на примере быта ударниц. «Вспоминая прежнюю жизнь, Феона Ивановна оглядела свое хозяйство. Славянский шкаф, диван, столы, красивые стулья... На столе вышитая скатерть, такие же салфетки на тумбочках, где стоят цветы — стрелчатые пальмы и фикусы с блестящими листьями» [17]. Но при этом женщина продолжала оставаться ударницей, и эта составляющая ее образа изменений не претерпела.

В результате «освобождение женщин», которое было заявлено в 1920-е гг., вскоре, по сути, превратилось в двойную нагрузку — появилась та самая «советская женщина», которая все успевает и выполняет все свои обязанности идеально. Пропагандистский образ был скорректирован для навязывания пресловутого «социального материнства» — и на какое-то время (около двух десятилетий) практически не изменялся.

Список источников

1. Болотова Е.В. Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 60–69.
2. Жиромская В.Б. Динамика численности населения России в 30-е годы // Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. Москва : РОССПЭН, 2001. С. 34–60. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit07.php> (дата обращения: 04.02.2019).
3. Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным явлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Москва : Вариант, 2007. С. 228–241.
4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов...» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социали-

- стических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm (дата обращения: 04.02.2019).
5. Щелканова М. За здорового ребенка, за культурную семью // Работница. 1935. № 8–9. С. 8–9.
  6. Радость материнства // Работница. 1935. № 26. С. 7.
  7. Чистова А., Морозова П. Наши дети. Конкурс на лучшее воспитание детей // Работница. 1935. № 5–6. С. 18.
  8. Климова М.В. Я против аборта. Статья председателя фабкома фабрики Фрунзе (Москва) // Работница. 1935. № 17. С. 12.
  9. Добырин М. Выростила и воспитала восемь ударников // Работница. 1935. № 17. С. 13.
  10. Абаза В.С. Воспитываю трех дочерей в культурной обстановке // Работница. 1935. № 17. С. 16.
  11. Филиппова Е. Дом отдыха для беременных // Работница. 1935. № 18. С. 12.
  12. Сиротова-Козанченко З.А. Я тоже против абортов // Работница. 1935. № 22. С. 13.
  13. Куртик М.Ф. Я родила в хате-родильне! // Работница. 1935. № 11. С. 11.
  14. Филиппова Е. Институт охраны матери и ребенка // Работница. 1935. № 17. С. 6–8.
  15. Бабушкина А.Н. Откроем Детскую столовую // Работница. 1935. № 20. С. 6.
  16. Кальницкий. Улучшаем ассортимент детских костюмов // Работница. 1935. № 11. С. 12.
  17. Работает ударно, отдыхает культурно // Работница. 1935. № 5–6. С. 32.
  18. Будущее советских детей радостно! // Работница. 1935. № 26. С. 5.
  19. Нюрина Ф.Е. О почетной гражданке и счастливой матери // Работница. 1935. № 29–30. С. 26.
  20. Балакишина В. Научный работник, активная комсомолка и мать // Работница. 1935. № 17. С. 11.
  21. Вяткина. Орден трудового красного знамени получила я за свою работу // Работница. 1935. № 5–6. С.11.
  22. Мицук Н. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 1. С. 21–32.

About an Honorary Citizen and Happy Mother: The Evolution of the Image of Soviet Woman in the 1930s

Elena V. Bolotova

Perm State Institute of Culture, 18, Gazety Zvezda Str., Perm, 614045, Russia
ORCID 0000-0001-5506-7892; SPIN 8233-1940
E-mail: pineapples.in.champagne@gmail.com

Abstract. *The images constructed in the Soviet period occupy a special place in contemporary Russian culture. Our culture retains links with them whether they continue to exist or attempts are made to deny or overcome them. The article is devoted to the formation of the concept of “Soviet man”, which is often interpreted in a generalized sense in modern Humanities. The novelty of the research is that it focuses on the image of “Soviet woman”, a gender stereotype introduced by all power of propaganda machine. The work recorded the enrichment of the “working woman” image*

with new meanings of “socially active mother”, which appeared in the 1930s. According to the author, this change of the power discourse is based on the implementation of the “social motherhood” project. As a result, the constructed image of the woman “liberated from domestic slavery and working socially active mother” became a model and broadcasted by propaganda during the next two decades. In fact, “liberation and equality” declared in the 1920s turned into excuse of the double burden. Remaining a shock worker and social activist, she should comply with ideal of a healthy mother with a healthy child. This is how the ideal Soviet woman appeared, who does everything and is able to do everything, achieves everything herself and actively realizes the opportunities provided by the Soviet power.

The sources of the study were articles, letters, reports and illustrations published in 1930–1935 in the magazine “Rabotnitsa”, issued by the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks. The author chose this magazine because it had a targeted gender audience, a considerable circulation (about 350,000 copies) and was published three times a month.

Key words: Soviet gender culture, Soviet woman, 1930s, propaganda, “Rabotnitsa” magazine, social policy, government discourse, working woman, woman and mother, culture and personality.

Citation: Bolotova E.V. About an Honorary Citizen and Happy Mother: The Evolution of the Image of Soviet Woman in the 1930s, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 300–309. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-3-300-309.

References

1. Bolotova E.V. Formation of the Image of Soviet Women in the 1920s–1930s (Based on the Publications of the Magazine “Rabotnitsa”), *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2018, no. 2, pp. 60–69 (in Russ.).
2. Zhiromskaya V.B. Population Dynamics in Russia in the 30s, *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, pp. 34–60. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit07.php> (accessed 04.02.2019) (in Russ.).
3. Lebina N.B. “To Meet the Numerous Statements of Working Women...” Abortion Policy as a Mirror of Soviet Social Care, *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet Social Policy of the 1920s–1930s: Ideology and Everyday Life]. Moscow, Variant Publ., 2007, pp. 228–241 (in Russ.).
4. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR of June 27, 1936 “On the Prohibition of Abortion...”, *Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm (accessed 04.02.2019) (in Russ.).
5. Shchelkanova M. For a Healthy Child, for a Cultural Family, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 8–9, pp. 8–9 (in Russ.).
6. The Joy of Motherhood, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 26, p. 7 (in Russ.).
7. Chistova A., Morozova P. Our Children. A Competition for the Best Education of Children, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 5–6, p. 18 (in Russ.).
8. Klimova M.V. I Am Against Abortion. An Article by the Chair of the Factory Committee of the Frunze Factory (Moscow), *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 17, p. 12 (in Russ.).
9. Dobyryn M. I Have Raised and Educated Eight Shock Workers, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 17, p. 13 (in Russ.).
10. Abaza V.S. I Am Raising my Three Daughters in a Cultural Atmosphere, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 17, p. 16 (in Russ.).
11. Filippova E. Holiday Home for Pregnant Women, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 18, p. 12 (in Russ.).
12. Sirotova-Kozanchenko Z.A. I Am Against Abortion Too, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 22, p. 13 (in Russ.).
13. Kirsik M.F. I Gave Birth in a Maternity Home! *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 11, p. 11 (in Russ.).
14. Filippova E. Institute for Mother and Child Protection, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 17, pp. 6–8 (in Russ.).
15. Babushkina A.N. We Will Open a Children’s Canteen, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 20, p. 6 (in Russ.).
16. Kalnitsky. We Are Improving the Range of Children’s Clothing, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 11, p. 12 (in Russ.).
17. Working Shockingly, Resting Culturally, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 5–6, p. 32 (in Russ.).
18. The Future of Soviet Children is Joyful! *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 26, p. 5 (in Russ.).
19. Nyurina F.E. About an Honorary Citizen and Happy Mother, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 29–30, p. 26 (in Russ.).
20. Balakshina V. A Researcher, Active Member of the Komsomol, and Mother, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 17, p. 11 (in Russ.).
21. Vyatkina. I Received the Order of the Red Banner of Labor for my Work, *Rabotnitsa* [The Woman Worker], 1935, no. 5–6, p. 11 (in Russ.).
22. Mitsuk N. Constructing the “Ideal Mother”: The Concept of Motherhood in Russian Society in the Beginning of the 20th Century, *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2015, vol. 13, no. 1, pp. 21–32 (in Russ.).